



Алексей Алехин

Расщепленные.
Книга 1.

Ночной звонок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Алехин

**Расщепленные. Книга
1. Ночной звонок**

«Автор»

2019

Алехин А. В.

Расщепленные. Книга 1. Ночной звонок / А. В. Алехин —
«Автор», 2019

ISBN 978-5-532-05615-2

Майору полиции Дроздову часто приходилось раскрывать странные дела. Новое дело не стало исключением. В самом начале расследования загадочной смерти неизвестной женщины сложно было представить к чему приведет выяснение всех причин и обстоятельств этого дела, от исхода которого зависит само существование человечества.

ISBN 978-5-532-05615-2

© Алехин А. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

часть первая. жертвы	6
8 сентября, суббота	6
9 сентября, воскресенье	9
10 сентября, понедельник	11
11 сентября, вторник	16
12 сентября, среда	19
13 сентября, четверг	24
14 сентября, пятница	26
15 сентября, суббота	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Алехин
Расщепленные. Книга 1. Ночной звонок

«Все ложь, бессмыслица, грязь, жизнь – клоака.

Счастливы нерожденные...»

(Валентин Иванов)

часть первая. жертвы

8 сентября, суббота

Ночной звонок разбудил майора полиции Дроздова Сергея Андреевича. В его работе существует много неприятных моментов, и этот определенно был одним из них. Служба в органах – его добровольный выбор и тут бы грех жаловаться, но как же он от всего этого устал.

- Дроздов слушает.
- Серж, у нас выезд. Дуй в Измайловский парк.
- Опять, двадцать пять. Что на этот раз?
- У нас труп. Подъезжай, на месте расскажу.

Звонил подполковник Морозов Алексей Николаевич. Отказаться по долгу своей службы Дроздов не мог, хотя дело скорее даже не в этом. Он был многим обязан своему начальнику, но частые ночные выезды в последнее время его довольно сильно раздражали, особенно с тех пор, когда Морозов сделал его своим заместителем. И, если бы не Алексей Николаевич, который все понимал без слов и не раз останавливал своего подопечного от необдуманных решений, Сергей уже давно послал бы к чертям всю эту надоедливую рутину.

Быстро собравшись и проглотив чашку недопитого холодного кофе, майор закурил и помчался в парк. Хорошо, что он успел покурить, иначе от увиденного на месте можно было лишиться рассудка. Сигареты в жизни каждого «следака» были чуть ли не единственным спасением.

Когда он прибыл, на месте уже работала оперативная группа, а Морозов стоял в сторонке и с задумчивым видом и нескрываемым недоумением смотрел на эту возню. Сергей нечасто видел такое выражение лица у Алексея Николаевича. Не успел он подумать о том, что могло вывести из равновесия старого подполковника, как тот, заметив его приближающуюся фигуру, взмахом руки подозвал его.

- Сереж, привет.
- Здравия желаю, товарищ подполковник. Что тут у нас?

Они обменялись рукопожатиями и, на ходу, Морозов, как мог, попытался ввести его в курс дела.

– Сразу скажу, случай нестандартный. Андреич, ты, конечно, парень закаленный и всякое повидал, но здесь совсем другое дело. Эксперты предварительно говорят, что труп женский, хотя там хрен поймешь. Фарш какой-то, или как сейчас модно выражаться, полный трэш. Так что, Серега... Короче, сам все увидишь.

Первое, что удивило Дроздова – неуставное поведение Алексея Николаевича. Это было очень непохоже на него, обычно Морозов не приветствовал подобные отношения на работе. Как говорится, служба есть служба. Второе, что для себя отметил Дроздов – сбивчивая речь подполковника, а это, в свою очередь, красноречиво говорило о неординарности произошедшего.

Картина была чрезвычайно непривычной. На четырех квадратных метрах земли лежало нечто отдаленно напоминающее человеческое тело, которое угадывалось исключительно по очертаниям скелета. Да и тот выглядел неестественным, расположение останков было, по меньшей мере, странным. Кожные покровы отсутствовали, мышечные волокна встречались не на всех участках, руки находились отдельно от самого каркаса, словно их вырвали одним резким движением с нечеловеческой силой.

За годы, проведенные на должности простого оперативника, у Дроздова выработался стойкий иммунитет на всякие ужасы, и, казалось, его сложно чем-то удивить. Однако, в этот

раз все выглядело настолько сверхъестественно, что у Сергея по спине невольно побежали мурашки, а выкуренная по пути сигарета помогла справиться с подкатившей тошнотой.

От мрачности вида, действительно, можно было впасть в ступор, но мысли как-то сами собой заструились плотным потоком. На обычную расчлененку увиденное никак не походило, суставы были целыми.

Удивляло также полное отсутствие следов крови, как на останках, так и вокруг них. Это свидетельствовало о том, что преступление было совершено в другом месте, иначе, зачем было изображать такое художество. Оставалось непонятным, как вообще возможно такое проделать, в несчастный случай не верилось.

Однажды Сергей уже распутывал изощренное убийство, где у трупа тоже отсутствовали руки. Но там все было вполне объяснимо. Конечности были отделены с помощью машины, а само тело оказалось привязанным к дереву. Да и отморозки, совершившие это, отрицать содеянное не стали, им просто было интересно как это технически осуществимо. А здесь совсем другое дело, и странности на этом не заканчивались.

Группа экспертов-криминалистов во главе с довольно уважаемым Максимом Игнатьевичем Швыдко продолжала колдовать. В этот раз Максим и его сотоварищи столкнулись с поистине сложной задачей. Проблема заключалась в следующем: при попытке упаковать для транспортировки в лабораторию, останки начинали мгновенно разрушаться. По-видимому, придется забирать их вместе с грунтом.

Осмотрев место происшествия, Сергей отошел в сторону и, также как часом ранее его начальник, стоял и размышлял о том, что это вообще может значить? Но версий не было, как не было и улик, место оказалось стерильным.

Подошедший Алексей Николаевич, помолчав с минуту, заговорил:

– Что думаешь, Сережа? Заметил что-нибудь интересное?

– Да, интересного много, Алексей Николаевич, но ничего определенного сказать не могу, пока только одни вопросы.

– Вот и у меня такая же штука. Что делать-то будем?

– Алекс...

– Да брось ты эту субординацию, ей богу. Мы здесь одни.

– Виноват, исправлюсь. Я так понимаю, труп обнаружила девушка, выгуливавшая собаку? От наших я толком ничего не добился. Я все понимаю, ситуация из ряда вон, но они несут полную ахинею.

– Все верно. Обнаружила дама с собачкой, и она, к сожалению, наш единственный свидетель. А насчёт ахинеи, это все, что у нас есть из свидетельских показаний. Правда, если она на этом фоне свихнется, то сам понимаешь.

– Ну и где эта дама?

– Чистая классика. У неё случилась истерика, а дальше как обычно – накачали и спать уложили. Да и хер с ней, больше того, что сказала, сегодня из неё мы не вытащим.

– По-твоему, монстр с горящими глазами, это нормально?

– Ну, конечно, не нормально, Сереж.

– Твою мать, Николаич. Дело, реально, странное. Никаких зацепок, надо копать. Нам любая мелочь сгодится. Может, эксперты в лаборатории что нароют.

– Так-то оно так. И хорошо бы нарыли. А то дело громкое, могут и отжать.

– Могут. Тут, вообще, стопроцентный «висяк» намечается, но, хочешь честно? Николаич, я боюсь, что это только начало.

– Ты хочешь сказать, что это первая ласточка?

– Дай бог ошибиться, но, чую, будут еще трупы.

– Я, конечно, нисколько не сомневаюсь в твоей интуиции, Сережа, но если ты, как обычно, окажешься прав, тогда мы в жопе, понимаешь?

- Понимаю. А еще я понимаю, что у меня уже мозги кипят от всего этого.
- Знаю, но отпуск тебе не дам. Не сейчас.
- И это я понимаю.
- Ну, и хорошо. Ладно, отдыхай сегодня, выходной как-никак. А завтра ко мне. Посидим, подумаем.
- Ну, и хрен с тобой. До завтра.
- Езжай уже.

9 сентября, воскресенье

В непринуждённой обстановке Алексей Николаевич, как водится, встретил Сергея тёплыми объятиями.

– Привет, дорогой, проходи. Ну что, отдохнул? Вижу, что не употреблял вчера. Молодец, правильно понял напутствия старшего по званию. Но сейчас мы это исправим. Что будешь, Серёжа?

– Давай уж водки, Николаич.

– Не изменяешь своим предпочтениям, и это очень хорошо. Хотя, немного коньячку иногда не во вред. Ну, да бог с ним. Слушай, а может в баньку?

– Давай в другой раз. Меня все не отпускает это происшествие, ни о чем другом думать не могу.

– Да, меня тоже, Сереж, вот я и думаю, может банька поможет.

– Водка должна помочь. Наливай.

– Да, брат, упрямство раньше тебя родилось.

Морозов накапал святых капель, и разговор сразу пошёл.

– Николаич, это как первый секс, когда ты не знаешь с какой стороны подойти. Так и сейчас, у меня нет никаких идей, от слова совсем, понимаешь? Я в полной растерянности, это – что-то новенькое.

– Сравнение необычное, но что-то в нем есть. А что Климов? За протокол еще не брался, ты не узнавал?

– Андрюха-то? Так выходной же, Николаич. Это мы с тобой уже потерянные люди, кроме работы за бутылкой ни о чем другом поговорить не можем.

– Да, прав ты, Андреич, прав, но дело-то непростое. У тебя как, азарт не проснулся, увольняться не передумал?

– Да иди ты по матушке. Повременю пока.

– Вот это другой разговор. Ну, за второе дыхание!

– Согласен, мотивирует на свершения. Но, опять-таки, когда такое было, чтобы вообще никаких улик. К тому же, непонятно, с чего бы костям вдруг стать такими хрупкими.

– Не паникуй, Серега. Завтра читаем протоколы, глядишь, что и всплывет. Ты лучше скажи, как там твои ощущения, ничего не изменилось?

– Если ты про возможное продолжение, то все только усилилось. Я практически убежден, что за этим трупом последует еще не один.

– Это плохо, блядь, Голливуд какой-то.

– Ага, миссия невыполнима.

– Выполнима, еще как выполняма. Мы ж с тобой и не из такого дерьма конфетку делали. Хотя здесь навоза на торт потянет.

– Слушай, Николаич, а что, если это и впрямь какая-нибудь мистическая хрень?

– Не думал, что ты сторонник подобных фантазий.

– Да это я так, от отсутствия здорового объяснения.

– Мы с тобой, Сережа, менты, а потому обязаны мыслить здраво, рационально.

– Умом я понимаю, но, чувствую, что все не так просто.

– Да ты совсем охренел что ли? Заканчивай генерировать свои мысли, а то накаркаешь, что нас с тобой по профнепригодности спишут. Ты лучше почувствуй, что бутылка заканчивается, и сгоняй в морозилку.

– Хороши работнички, твою мать. Позорим честь мундира.

– Поговори мне, моралист хренов.

– Сдается мне, Николаич, что Андрюхин протокол нам ничего не даст. Вот и получается, что вся надежда исключительно на Швыдко.

– Выходит, что так. Свидетель, похоже, тоже мимо кассы.

Значительно позднее Сергей сгонял за очередной порцией зелья, и душевная беседа продолжалась до глубокой ночи, но ни к чему так и не привела.

10 сентября, понедельник

Как и ожидалось, протокол осмотра места происшествия не пролил свет ни на одну деталь. Старший оперуполномоченный Климов, которому «посчастливилось» его составлять, и тот пребывал в чрезвычайном недоумении. Всякое бывало, но такое – это уже из разряда фантастики. Он ходил из стороны в сторону, взявшись за голову, чем достаточно сильно нервировал присутствующих Дроздова и стажера Катеньку.

Арзамасова Екатерина Анатольевна была молода и настолько хороша собой, что большая часть мужской половины сотрудников следственного управления по Восточному административному округу города Москвы забывали о своих женах, стоило только ей попасться им на глаза. Но, как это часто бывает, ни до Климова, ни до кого-либо ещё, ей совершенно не было дела. С Дроздовым совсем другая история. Ради такого мужчины она была готова на многое, и разница в возрасте её несколько не смущала. Вот только самому Сергею Андреевичу она, по-видимому, была не интересна. Но Екатерина не сдавалась и при любой возможности крутилась поблизости.

Сергей же делал вид, что не замечает всех её двухкопеечных манёвров, хотя будь она чуточку постарше, уже давно затащил бы ее в койку. Но ему тридцать восемь, а ей двадцать пять, и переступить через себя он не мог, даже не смотря на отсутствие в его жизни надёжной женской опоры.

Вот и сейчас ему нужно работать, а тут она, глазастая, да и версия все не выстраивается. Предварительное мнение судебно-медицинской экспертизы также добавило красок, костные останки при любой попытке их исследовать рассыпались. Сергею оставалось уповать лишь на таланты высококвалифицированного Швыдко, окончательный результат работы которого ожидался только к вечеру. Однако, каково было его удивление, когда через полчаса заключение с подписью Максима Игнатьевича оказалось у него на руках.

Более лаконичного определения Сергею читать не приходилось, особенно от безмерно педантичного начальника экспертной группы, известного в следственных кругах своей любовью к деталям. Все, что в этот раз сумел изобразить на бумаге мастер своего дела, помимо отсутствия самой возможности сделать экспертизу, было «провести судебно-химическое исследование невозможно в связи с недостаточным количеством исследуемого материала». Что это вообще такое? За подобные вещи можно лишиться карьеры, едва ли Максим Игнатьевич этого не понимал.

Дроздов испытал нехорошее ощущение от прочитанного, но решил не спешить с выводами, а позвонить, или лучше съездить к Швыдко лично. Но сначала не мешало бы переговорить с Алексеем Николаевичем, который с утра уже где-то пропал.

Морозов явился после трёх часов дня, и сразу вызвал к себе.

– Какие новости, Серёжа?

– Хорошего мало, Алексей Николаевич. Глухо по всем фронтам.

– Бог с ним, Андреич. Я только что от Петровского, этот шакал уже в курсе. И важно здесь не то, что по ходу ему кто-то сливает, а то, что у нас всего неделя на раскрутку дела. По старой памяти за ним был должок, и я выторговал у него отсрочку.

Генерал-майор, а в прошлом следователь по особо важным делам следственного комитета России Петровский Михаил Степанович был настоящей занозой для многих московских «сыскарей». Любое громкое дело, которое могло дать старт для хорошей карьеры, в обязательном порядке попадало в его цепкие руки.

Такая несправедливость в следственной иерархии не оставляла никаких шансов для повышения престижа того или иного участка и без того непростой работы. И нет ничего уди-

вительного, что потенциально крупные расследования старались сохранить в тайне, но у «важняка» были свои источники.

– Вас понял, начальник и, по-моему, я знаю, кто крыса. Поехали!

– Ух ты, как глазки-то заблестели. Куда хоть путь держим?

– К Швыдко. Обо всем расскажу по дороге.

Швыдко долго юлить не стал, все оказалось до банального простым. Во-первых, он любил деньги, а во-вторых, эта самая любовь однажды вышла ему боком. Несколько лет назад этот гений экспертизы залетел на липовых заключениях, после чего, собственно, и был взят в оборону самим Петровским. Теперь все стало на свои места, весь секрет хваткости «важняка» был раскрыт двумя ударами в живот его подопечному. Морозов был на высоте, а Максим Игнатьевич скулил, как сучка. Дроздов, в свою очередь, выбрал позицию слушателя.

– Ну, и что мы будем с тобой делать, Максимка, твою мать? Не молчи, падла!

– Алексей Николаевич, дорогой, ну пойми ты меня. Что мне оставалось, на нары ведь никто не хочет. Не губи, по гроб жизни обязан буду.

– Да на кой ты мне нужен, обмудок. Ты лучше скажи, что Петровскому напел?

– Мне надо выпить.

– Выпить ему надо, и нам налей тогда. Сергей Андреевич ты будешь, али как?

– Не откажусь, товарищ подполковник.

Швыдко разлил по стаканам и продолжил.

– Алексей Николаевич, Сергей Андреевич, товарищи! По правде сказать, экспертиза не принесла никаких результатов, а вот химическое исследование, мягко говоря, удивляет. Постарайтесь понять: отразить в акте его показатели я не мог, слишком это все шокирующе.

– Меньше слов, Максим. Давай, ближе к сути.

– Хорошо, саму суть. Костные останки действительно разрушились, что не позволило нам провести экспертизу. Другими словами, кости рассыпались в прах от одного лишь касания, и это странно. Тут налицо необычная химическая обработка. Но это ещё не все. Нам удалось сделать вытяжку из печени и исследовать кровь покойной.

Максим Игнатьевич на мгновение замолчал, перевел дыхание, судорожно сглотнул и, окинув взглядом присутствующих, с плохо скрываемым волнением продолжил.

– Как вам известно, существует всего четыре группы крови. Однако, на самом деле, это не совсем так. Есть такое понятие – «бомбейский феномен». Этот термин применяется к разновидности крови, которая очень похожа на первую группу, но таковой не является. Напомню, что у первой группы крови в эритроцитах нет антигенов или агглютиногенов, но в плазме есть агглютинины а и в. Так вот, у обладателей «бомбейского феномена», помимо а и в агглютинина, есть ещё и третий – h.

– Интересная лекция, но к чему нам эта сенсация?

– К тому, дорогой Алексей Николаевич, что у нашей неизвестной была именно такая группа крови.

– А вот это уже любопытно. Ещё что-нибудь?

– Да, да. Конечно. Вся штука в том, что тут такая же история, как и с первой группой крови, переливать её можно только людям с такой же группой. А процент ее носителей по всему миру весьма незначителен. Соответственно, они все в обязательном порядке являются донорами. Основной контингент это бомбейцы, почему, собственно говоря, феномен так и назвали. Количество таких представителей среди белого населения значительно меньше. Кроме того, я выяснил, что в России таких индивидуумов порядка десяти, и пять из них обитают как раз в нашей столице.

– И что ты из всего этого успел рассказать Петровскому? Хотя можешь не отвечать. Давай, я сам за тебя отвечу. Ты, гнида, рассказал ему все ещё вчера и заключение написал такое, потому что Петровскому это на руку. Так?

– У меня не было другого выхода...

– Выход есть всегда, Максим. Да, видать, не для таких тварей, как ты. Хрен с тобой, живи пока. Но, учти, еще один такой залет, и потом не обессудь.

– Алексей Николаич, прости, Христа ради...

Алексей Николаевич, не прощаясь, направился к выходу. Дальше слушать жалкое нытье этой гниды было выше его сил, еще немного и обязательно «съездил» бы по его фальшивой физиономии, что допускать было никак нельзя. За годы, проведенные на службе, Морозов, в совершенстве овладел умением сдерживать подобные порывы, а в случае с Максимом, почему-то ни один прием не работал.

Морозов и Дроздов покинули здание судмедэкспертизы, чувствую себя вполне удовлетворёнными, хоть и с каким-то неприятным осадком и ощущением досады. В их работе, конечно, встречались подобные кадры, однако до конца принять, что все в нашей стране, да что там, и во всем мире, покупается и продаётся, не могли. Разумеется, они тоже не являлись примером благочестивости и не раз нарушали правила, но потом их изнутри съедало осознание вины. Наверное, эта самая внутренняя борьба их так сблизила. На предательство друг друга они никогда бы не решились.

Визит к Швыдко очередной раз напомнил им о своих прошлых ошибках и ненадолго погрузил в неприятные раздумья. Лишь, когда они сели в машину, все ненужные мысли быстро улетучились. Офицеры полиции почуяли след, и теперь они знали, что делать. Дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки.

– Как ты понимаешь, Николаич, я с утра рву на станцию переливания крови.

– Не распаяйся, боевой товарищ, ишь, как заерзал. У меня есть план получше, едем ко мне.

– Пить не буду, хоть стреляй. Я ещё от вчерашнего не отошёл.

– Слабак, и как таких на службе держат? Расслабься, я тебя не за этим приглашаю.

– А зачем тогда?

– Ты что, правда, полагаешь, что ты нужен своему начальству только для совместного распития крепких напитков? Неблагодарная у тебя натура, Андреич, ох, неблагодарная.

– Да перестань. Но не больше бутылки.

– Совсем другой разговор, конструктивный. А если серьёзно, Серёга, есть у меня на тебя определённые виды.

– Вот сейчас не понял. Требую разъяснений.

– Потерпи. Доберёмся, и все узнаешь.

– Виды у него. Что-то мне это совсем не нравится. Может мне и впрямь уволиться?

– Ты меня шантажировать вздумал, щенок? Пристрелить тебя что ли, в самом деле?

В подобной манере они разговаривали нечасто, как правило, только когда у обоих было гадко на душе. А, как известно, мальчишки не взрослеют, вот и стравливали наболевшее, как могли. И пусть, порой, они вели себя как мальчишки, но за годы знакомства они уже так прикипели друг к другу, что даже шутили на одной волне. Со стороны их поведение походило больше на отношения двух братьев. И братские узы, в определенном смысле, их, конечно, связывали, а связь эта, как хороший коньяк, крепла день ото дня.

Добравшись до жилища Морозова и, как водится, расположившись на кухне, беседа перетекла в более серьезное русло. Традиционная бутылка водки, как нельзя лучше, способствовала выбранному направлению разговора по душам. Тон Алексея Николаевича стал непривычно отеческим, что сильно удивило Сергея.

– Сереж, мы нечасто разговариваем на личные темы. Скажи мне, ведь ты уже далеко не пацан, не пора ли тебе подумать о семейной жизни? Не спеши бунтовать, дай мне закончить.

Как никто другой, ты лучше всех знаешь, насколько сильно я изменился после смерти супруги, моей ладушки. Тяжело мне без нее, понимаешь? И, да, я часто был не прав, но она

все понимала и от многих ошибок меня удержала. А работенка у нас с тобой та еще. Тебе тоже нужна такая путеводная звезда по жизни, иначе мы обречены, согласен? Таким, как мы, без баб никак, можем оскотиниться. Да вообще никому нельзя идти по дороге жизни одному. Природой все по-другому устроено.

Прости, что напоминаю, но ты ведь совсем один, ни отца, ни матери. Ты мне как сын, которого у меня никогда не было, да, уже и не будет больше. Не дал нам бог с Наденькой испытать такое счастье. Одна племянница осталась, а у тебя еще есть время.

Алексей Николаевич замолчал и изучающе посмотрел на своего оппонента. Тот ответил не сразу, но Морозов наседать не стал, дав время обдумать сказанное. Сначала они выпили по две рюмки, покурили, после чего Сергей решил ответить на эмоциональный монолог своего старшего товарища.

– Твою мать, Николаич, как на экзамене, ей богу. Я, грешным делом, подумал, ты меня сосватать решил.

– А что, если и так?

– Здрасьте, чего не ждали.

Но Морозов не отступал, по взгляду было видно, что он настроен более, чем серьезно.

– Да перестань, тебе то это все зачем, или интерес какой?

– Обидно, право слово. Но интерес и впрямь самый, что ни на есть, настоящий. Внуки мне нужны, брат. Своих уже не будет, так хоть названные появятся. Ведь я, как ты заметил, уже не молод.

Дроздов сначала подумал, не сбрендил ли подполковник на старости лет. Но Морозов лишних слов не говорил, а чутье подсказывало, что именно в этих словах кроется нечто действительно важное для него. К тому же, обижать старого вояку ему не хотелось.

– Хорошо, скажу иначе. Не получается у меня длительных отношений, в быту я не подарок. А семья – это немалый труд, вряд ли из меня выйдет хороший семьянин. Хотя, детишек я люблю.

– Знаю, потому и поднимаю этот вопрос. Пора тебе уже, товарищ, испить из этого колодца. И мне отрада на старости лет.

– Даже не знаю, что тебе сказать. В данный момент тебя ни одним доводом не прошибешь.

– Вот и не надо. А племянница у меня ой как хороша.

– Опять двадцать пять. Как-то это все не по-людски.

– Брось, я же вижу, что ты ей нравишься, и как сам на нее смотришь.

– О чем ты, я знать не знал, что у тебя есть племянница.

– Ну, это как сказать.

– Что за загадки, Николаич? Развел «Санта-Барбару», понимаешь. Не знаю, за каким хреном я продолжаю все это выслушивать.

– Ой ли? Признай, ведь тебе интересно?

– Допустим, но к чему все эти игры?

– Не лишай старика последней отдушины.

– Да что ты заладил, в самом деле. Рано тебе еще помирать.

– Тут ты, брат, не прав. Для мужиков вообще дожить до пятидесяти это уже подвиг.

– Все, я сдаюсь. Знакомь.

– Какой пряткий. Но, как говорится, спокойствие, только спокойствие. Предлагаю выпить за новые начинания.

– Шут с тобой, Николаич. Однако ж, впечатлил ты меня сегодня.

– Погоди, то ли еще будет.

Через полчаса пришла та самая племянница, и изумлению Сергея не было границ. Теперь ему стало понятным необычное поведение старика, ведь той самой единственно оставшейся у него родной кровью оказалась их стажерка Катенька. «Хитер, подлец», – подумал Сергей,

до самого последнего скрывал свою родную кровь. Как ему вообще удастся сохранять такой юношеский задор в свои-то годы?

– Прошу любить и жаловать – Екатерина, моя племянница, – резво выпалил Морозов.

Катя тут же подхватила, благо у нее есть хороший учитель.

– Ну, здравствуй, Сережа. Вот ты и попался. Теперь ты никуда от меня не денешься. Сейчас же веди меня на свидание.

Сергей, поплыл как юнец. В нем боролись два чувства. С одной стороны, он по-настоящему ее желал, и это было взаимно, что немаловажно, с другой – сам факт, что она от отчаяния воспользовалась влиянием своего дяди, был ему неприятен.

Алексей Николаевич, заметив смущение младшего по званию товарища, с целью стравить давление, стукнул кулаком по столу и, впервые за вечер, в присущей ему манере, попросил всех успокоиться.

– Отставить, намилуетесь еще. На самом деле я вас не для этого здесь собрал.

Желание идти на свидание у Кати тут же пропало. Она резко преобразилась и принялась слушать своего, вдруг ставшего строгим, дядю.

– Коллеги, дабы объяснить свое непонятное поведение, расскажу, почему мы собрались именно здесь в таком составе. Дело, как вы понимаете, у нас не из простых, и желающих его себе заполучить немало. Есть у меня некоторые опасения, что Швыдко не единственный, кто задействован в небезызвестной схеме. А посему, товарищи, работать будем в условиях некоторой секретности. Доверять, по понятным причинам, мне больше не кому. Из этого следует, что все разговоры на данную тему будут проходить на этой самой кухне. Возражений нет? Возражений нет!

Таким образом, план действий будет следующий: в пункт переливания завтра поедешь ты – Катя, тем более, что там трудится твоя однокурсница. По дружбе, так сказать, многое можно выведать. Замотивируешь, мол, нужна помощь, есть возможность устроиться на престижную работу. Обещать, что будешь обязана, только в крайнем случае.

Учитывая, что труп опознать не удалось, твоя задача, Сереж, проверить сводки, провести анализ. Да что я тебя учу, как школьника. Ты в свое время собаку на этом съел. Так что, дерзай, старина, покажи класс. Вечером очередной сбор, сопоставляем всю добытую информацию.

Больше, ребят, нам надеяться не на кого. Если раскрутим это дело и утрем нос Петровскому, Родина нас не забудет. Ну, вы поняли. А потом уж и на свидание можно сходить. Всем все понятно?

Ответом послужило одобрительное молчание. План действий выглядел идеально, и учитывал все аспекты для получения максимально положительного результата. Сергей и Екатерина в тот вечер еще не до конца понимали, насколько их наставник оказался дальновиден. Своим последним решением Алексей Николаевич, фигурально выражаясь, убил двух зайцев: отвел от удара близких ему людей и, одновременно с этим, связал их судьбы воедино.

11 сентября, вторник

Подполковник полиции Морозов Алексей Николаевич имел железное правило никогда не садиться за руль своего авто после алкогольных возлияний накануне, а предпочитал на следующий день ездить на работу в общественном транспорте, либо в метро.

К своим пятидесяти двум годам он сумел сохранить давно забытое многими стремление, хотя бы изредка, быть ближе к народу. Ему доставляло несказанное удовольствие наблюдать за толпой, вычленяя, как меняются повадки в социуме.

После вечернего разговора с Сергеем и Екатериной на следующее утро он, следуя своему правилу, отправился на службу автобусом. Находясь в приятной задумчивости от удовлетворения, что все складывается наилучшим образом, он впервые за последнее время не обращал внимания на окружающих. В этом расслабленном состоянии ему удалось задремать в утренней автобусной тряске, и он не придал особого значения подозрительно резкой боли, вызванной ударом каблука по его правой стопе стоящей рядом весьма миловидной девицы.

По пути от автобусной остановки Алексею Николаевичу становилось все хуже, навалилась невероятная слабость, кружилась голова, он задыхался. Остановившись возле одного из жилых домов, он присел на скамейку и навсегда уснул.

Вокруг сновали люди, не обращая особого внимания на уставшего сотрудника полиции. Экипаж скорой помощи вызвали только, когда мышцы окончательно расслабились, и уже мертвое тело упало на землю. На тот момент Алексею Николаевичу было все равно.

В следственное управление о случившемся сообщили после обеда. Сергей находился в своем кабинете и допечатывал результаты своего задания, Екатерина на тот момент еще не вернулась. Климов постучал и с порога озвучил трагическую новость. Слезы лить было некогда, сразу все как-то завертелось.

Удалось выяснить, что тело доставили в службу к Швыдко, и по предварительной версии причиной смерти является остановка сердца. Но что-то здесь не вязалось. После известных событий с Максимом Игнатьевичем Дроздов решительно настроился на прессинг данного гражданина. И, не дожидаясь Екатерины, улетел по внутреннему зову, на бегу запретив подчиненным сообщать ей о произошедшей трагедии.

Как и следовало ожидать «швыдкий» Максим, как его мысленно окрестил Сергей, все уже разболтал Петровскому, хотя, подобное событие мимо того точно не прошло бы. Вскрытие уже провели, в таком деле медлить было не принято. Диагноз «острая сердечная недостаточность» подтвердился. Но верить в это не хотелось, не мог такой человек уйти подобным образом. В таких условиях наседать на Швыдко не было никакого смысла, а потому Сергей в своем молчаливом горе просто удалился.

Когда он вернулся в управление, Катя уже ждала его. В ее глазах стоял вопрос, каким-то образом она все узнала, но не понимала, почему Сергей ей не сообщил. Уже в его кабинете, она поинтересовалась об этом.

– Почему ты мне не сказал?

– Собирался сказать лично, не по телефону.

– Если бы позвонил, ничего ужасного не произошло. Чему случиться уже случилось.

– Да как такое можно говорить по телефону? Ты же была для него последним дорогим человеком. И вообще, ты как-то слишком спокойна.

– Мне не пять лет, или ты думаешь, я должна заливаться слезами? Не привыкла я показывать свою боль. К тому же я была готова к такому, дядя просил никому не говорить о его проблемах с сердцем.

– Почему он мне ничего не говорил? Хотя это похоже на него. А я-то, идиот, напридумывал себе всякого.

– Что ты хочешь сказать?
– Уже не важно. Извини.
– Да, ничего. Я знаю, как ты к нему относился, просто не вовремя все это.
– Да уж, не вовремя. Теперь все будет по-другому.
– Ничего не будет по-другому. Он же тебя метил на свое место. Ты справишься.
– Справляюсь-то, справлюсь. Твою ж мать, тяжело-то как. Подвел, Николаич. Не готов я был к такому. Ладно, собрались. По организации похорон тебе будет нужна моя помощь?
– Я сама все сделаю завтра, машину только выдели. У тебя теперь и без меня забот по уши будет.

– Машину обеспечу.
– Единственное, сегодня помоги мне прибраться у него в квартире.
– Конечно. Поехали сейчас, сегодня нам уже будет не до работы, да, и время уже позднее.

Засобиравшись, Сергей не забыл прихватить распечатку, Катя, заметив это движение, не сказала ни слова, а лишь одобрительно улыбнулась. И пускай улыбка вышла натянуто грустной, они поняли друг друга. В это самое время в кабинете зазвонил телефон. Дроздов поднял трубку. На другом конце провода сообщили, что завтра к девяти часам утра его ждут в следственном управлении Российской Федерации по поводу сегодняшних событий. Явиться непосредственно к генерал-майору Петровскому. Закончив слушать, Сергей произнёс:

– Час от часу не легче.
– Что-то случилось?
– С утра к Петровскому на ковёр. А, впрочем, может так даже лучше.
– Не переживай, все будет хорошо.
– Ладно, нам пора ехать.

Добирались до жилища Морозова в полном молчании. В самой квартире первым делом прошли на кухню, и в память о традициях сей обители принялись обсуждать работу. Дроздов, переняв эстафету от павшего товарища, завёл разговор первым.

– Сначала о делах. Как твоя поездка?

– Погоди, я правильно тебя поняла в конторе? Ты сознательно не стал там обсуждать рабочие моменты?

– Да, все верно. Докладывай, по существу. Время!

– Хорошо, постараюсь. На станции переливания крови установлено, что на сегодняшний день в нашем городе количество лиц с бомбейским феноменом насчитывается не пять человек, как утверждал Швыдко, а значительно больше, порядка шестидесяти семи. Список прилагается, из них двадцать восемь женщин, что составляет сорок два процента от общей цифры. Кровь сдают регулярно, два раза в год. В этом году по два раза уже отметились все.

– Любопытно. Ну что же, а у меня ситуация следующая. За последние три дня по сводкам пропало три лица женского пола: Белозерова Ольга Петровна, девяностого года рождения, Реутова Елена Павловна, семьдесят третьего года рождения и Жданова Марина Васильевна, восемьдесят третьего года рождения. Есть совпадения?

– Как ни странно, да. Целых два: Белозерова и Жданова.

– Хм. Обе по месту проживания относятся к нашему району. Стало быть, работаем. Точнее работаю я, после визита к Петровскому. Подряжу Климова, чтоб штаны не протирал, у тебя завтра другие заботы.

– Ты ему доверяешь?

– Не то, чтобы доверяю, но на гниду он не похож. Вот и проверим. В остальном секретность сохраняем на прежнем уровне, а вечером здесь же обсудим результаты.

– Так точно.

– Ну и славно. А теперь за уборку и баиньки, в смысле по домам.

Уборка не заняла много времени, но красок добавила. Как ни старались двое несчастных гнать от себя печальные мысли, все в доме напоминало им об Алексее Николаевиче. В связи с этим, после уборки было принято решение выпить по рюмке в память об ушедшем дорогом им человеке.

После второй стопки у Кати случилась истерика, держаться она больше уже не могла. Слезы горечи от недавней утраты заструились из её, уже дорогих Сергею, зелёных глаз. Борьба с собой он не стал, и принялся гладить рукой по её золотистым волосам, пытаясь успокоить. Катя прильнула к его груди, тот обнял ее со всей нежностью, на какую был способен, и окончательно понял, что теперь уже ни за что её не отпустит.

Держа Катю в объятиях, Сергей приговаривал: «Ну, что ты, моя хорошая. Перестань, не терзай себя». Когда она успокоилась, Сергей отнёс ее в спальню. Уложив на кровать, раздевать заснувшую Екатерину он не стал, но заботливо укрыл пледом. Сам же устроился в кресле, время от времени просыпаясь проверить её состояние, пока не наступило утро.

12 сентября, среда

Подъем был ранний, Сергей сварил кофе и принес в постель Екатерине. Она молча выпила бодрящий напиток, лишь изредка с интересом поглядывая на Сергея. Затем, в благодарность за заботу, по-девичьи чмокнула его в щеку.

– Спасибо, Сереж. Что-то я вчера раскисла.

– Я все понимаю, Катюш. Не за что благодарить.

Она потянулась к нему, ей очень захотелось его обнять. Сергей возможности не упустил, и они впервые поцеловались. Все произошло как-то неловко, но как сладостен для них был этот миг. Екатерина, недолго думая, молча сняла с плеч блузку и оголила грудь, приглашая Сергея к активным действиям. Он на мгновение замялся, все никак не мог решиться, но последовавший очередной поцелуй и разрешающий взгляд Кати, развеял его сомнения.

Он целовал ее обнаженное тело, впитывая все соки трепещущего в крепких мужских руках женского естества. А после, став одним целым, они отдавались друг другу с неистовой страстью, словно это было в первый и последний раз. И все никак не могли насытиться этим источником, открывшегося им чувства, принимая различные формы, подобно глине в руках мастера гончарного дела. Но ничто не длится вечно и в какой-то момент, когда они иссякли, их снова стало двое. И только их сердца, продолжали биться в унисон.

Отдышавшись, они резво, как по команде, побежали в душ, заливаясь смехом, словно дети. Затем последовали жаркие поцелуи, и все повторилось под струящейся по мокрым телам водой. И лишь окончательно успокоившись, они приземлились за кухонным столом и с блаженным видом упивались табачным дымом. Времени для них больше не существовало, они, наконец, обрели счастье и стремление идти по жизни вместе.

К Петровскому Сергей явился точно в назначенные девять часов, предварительно успев подбросить Катю до работы, распорядиться выделить ей машину и дать указания Климову.

Добираясь до резиденции, в которой обитал Михаил Степанович, он не переставал восхищаться тем, как все-таки интересно устроена жизнь. Насколько лихо в ней все переплетено: рождение и смерть, любовь и ненависть и еще тысячи разных полярностей.

Окрыленный, он размышлял о том, как так вышло, что в одно мгновение в его душе поселилось доселе неведомое ему чувство, подобно тому, как разгорается пламя от свечи. И сколько в таком состоянии можно всего успеть за относительно короткий промежуток времени.

Поднимаясь по ступенькам, он явственно ощущал необычайный эмоциональный подъем. Это давно забытое ощущение придавало дополнительные силы перед неприятной встречей. Он был твердо уверен, что все пройдет наилучшим образом.

Однако, окончательно отдать себя в руки свалившемуся на него счастью он себе не позволил. А посему, подойдя к кабинету генерал-майора Петровского, максимально собрался и, набравшись решимости, постучал в дверь. Услышав отклик, Сергей по-офицерски выпалил.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор. Разрешите войти?

– Входи, майор, присаживайся. Чай, кофе.

– От кофе не откажусь.

Петровский организовал кофе и перешел к делу.

– Знаешь, по какому вопросу вызвал?

– Догадываюсь.

– Это упрощает процедуру. Значится так, моим приказом с сегодняшнего дня ты назначаешься исполняющим обязанности начальника следственного управления УВД по Восточному административному округу.

– Возражения?

– Никак нет.

– Вот и хорошо. Парень ты добросовестный и перспективный. Справки я наводил. Так что, поздравляю.

Петровский протянул руку, Сергей ответил. Рукопожатие оказалось крепким и уверенным, и характеризовало Михаила Степановича как человека, который не привык к отказам. Завершив официальную часть, Петровский перешел в наступление.

– Дело с бомбейским феноменом я забираю, ты должен это понять. Проявлять инициативу не советую. Вопросы?

– Вас понял, вопросов нет.

– Молодец, далеко пойдешь. Теперь о менее приятном. С похоронами Алексея Николаевича вопрос решен, не переживай. Завтра в десять утра на Ваганьковском кладбище. Негоже такому человеку блекло уходить, торжественная часть в полдень в Роял Холле, это рядом. Своим объявишь сам, пусть приходят все, кто пожелает. К вечеру только сообщи, сколько вас будет.

– Товарищ, генерал-майор...

– Можно просто Михаил Степанович.

– Михаил Степанович, мы планировали сами все организовать.

– Отставить! Никаких сами. Сергей, послушай. Алексей Николаевич мне тоже был не чужой человек. Мы с ним по молодости были сослуживцами, многое прошли. Отличный был офицер и замечательный человек. Жалко, когда так рано уходят такие люди. Не противься. Если хочешь, это мое личное решение. Так сказать, последнее, что могу для него сделать. Ведь я многим ему обязан, да и тебе он был дорог, я знаю. Так что, завтра достойно проводим старого товарища в последний путь. Согласен?

– Согласен.

– Ну, тогда, стало быть, все. Можешь быть свободен.

О личности Петровского Сергей был наслышан, но тот оказался еще большей сволочью, чем он себе представлял. Всего лишь одна единственная встреча оставила в душе Сергея несмываемый отпечаток отвращения к этому человеку, который стал его руководителем. И как с этим быть? Смириться и плыть по течению?

С другой стороны, теперь у него развязаны руки, а о карьере он никогда всерьез не задумывался. Светлая память об Алексее Николаевиче толкала на свершения, мысленно уговаривая не бросать начатое дело, чем бы это не обернулось. Так что, пропади оно все пропадом. В конце концов, у него теперь есть Катя, а, значит, все будет в порядке.

Вспомнив про Катю, и про то, что сказал Петровский об организации похорон, в ее усилиях уже не было смысла. Сергей позвонил ей и, вкратце обрисовав ситуацию, уговорил все бросить и приезжать в управление, в котором все уже знали о его назначении.

Старший лейтенант полиции Андрей Петрович Климов, двадцати семи лет от роду был простым парнем, ничем особо не выделялся, но службе отдавался без остатка, и каждый раз обижался, когда какое-нибудь интересное, по его мнению, дело отдавали более опытному сотруднику. За свои, без малого, пять лет работы он научился относиться к взаимоотношениям среди коллег, как к ролевой игре, и сам, порой подыгрывая, смог изучить характер и повадки каждого в коллективе.

Обладая невзрачной внешностью, ему легко удавалось расположить к себе собеседника, поэтому, когда Дроздов отправил на задание именно его, подобный выбор был обусловлен не столько проверкой молодого сотрудника, сколько немалым потенциалом Андрея. И Сергей Андреевич не ошибся на его счет. Старлей раздобыл по-настоящему интересную информацию, это было видно по выражению его лица, и, повинувшись внутреннему импульсу, Дроздов твердо решил дать этому парню шанс.

Глядя на него, Сергей Андреевич вспоминал свои первые годы службы, и, во многом узнавая себя, мысленно улыбался. Он думал о жизни, о том, какая же это все-таки школа. Как часто бывает, что старший товарищ, бывший сначала твоим учителем, затем другом, а когда уходит, вместо него появляется кто-то ещё совсем молодой, готовый впитывать опыт, и тогда уже ты сам становишься учителем.

И даже сейчас, когда они втроём с Катей сидели на кухне Алексея Николаевича, Сергей все ещё отказывался поверить, как быстро все произошло. Ведь, казалось, ещё вчера он сам точно также, как и Андрей, сидел перед своим будущим наставником и был согласен на все его условия. А теперь роли расставлены иначе. И все бы ничего, но Алексея Николаевича ему физически не хватало. Однако, такова жизнь, и, по-видимому, все устроено таким образом, что за отпущенное количество времени ты должен пройти все этапы становления.

Обряд посвящения прошёл на отлично, нестандартное мышление Андрея и его способность безошибочно определять психологические портреты буквально с ходу, по одному лишь выражению лица, значительно упростили процедуру и сэкономили массу времени. По завершении сего действия, претерпевшая изменения «кухонная тройка», наконец, перешла к обсуждению сегодняшнего расследования.

– Что удалось выяснить, Андрей?

– Начну с простого. Белозерова Ольга Петровна – женщина двадцати семи лет, не замужем, живет с матерью, нигде не работает, имеет ребёнка пяти лет, которого воспитывает бабушка, поскольку она ведёт разгульный образ жизни.

Ее мать терпит это все из-за внука, со слов которой все началось в студенческое время, когда дочь начала ходить по разным компаниям и, как следствие, курить, пить, ну и так далее.

Сейчас она её жизнью не особо интересуется, и, по моему мнению, была бы рада, если бы эта самая дочь вообще больше не возвращалась. Заявление подала, опять-таки, из-за ребёнка, который плакал и звал маму, а у бабушки сердце разрывалось. По-моему, субъективному мнению, это потенциально наш клиент.

– Допустим, дальше.

– По Ждановой Марине Васильевне. Возраст Христа, но до благочестивости там далеко. Живет одна, не замужем, родных и детей нет, работает бухгалтером в компании по поставке продуктов питания ООО «МаркетСайд». Соседи старики утверждают, что иногда заходят люди в странной одежде и допоздна устраивают оргии.

В розыск подала ее подруга – Пальцева Василиса Семеновна, живущая в соседнем подъезде, поскольку Марина дольше двух недель не пропадала и обычно предупреждала ее. А в этот раз она уже месяц не была слышна. Кстати, оргии подруга подтверждает. Говорит, что «Марина дико любит групповой секс», – это цитата. Фото Ждановой прилагается.

– Н-да, хороша кобылка. Такие дамы обычно страдают нимфоманией.

– Разрешите продолжить, это еще не все.

– Конечно, Андрей.

– Со слов подруги, к этому Марину приобщил ее парень, некто Данилов Вениамин Степанович. Они несколько раз виделись, выпивали. Вениамин с Мариной неоднократно пытались склонить Василису к их увлечению, но она отшучивалась. Адрес проживания Данилова выяснить не удалось, но работает он менеджером в салоне связи «Телефонист», также имеется совместное фото, что упрощает задачу его поиска.

Кроме того, Василиса утверждает, что раньше Марина такой не была, а все началось пару лет назад, с появлением в ее жизни этого ухажера, и с тех пор Марина резко изменилась. В последнее время, правда, она несколько раз сильно напивалась и в этом состоянии со слезами кидалась Василисе в объятия, говорила, что начала бояться Вениамина, особенно, после того, как увидела, чем он на самом деле занимается.

– Так, так. И чем же он занимается?

– Что-то бессвязное. Руководит филиалом какого-то мистического общества с ритуальными жертвоприношениями и прочей ерундой. На вопрос, принимает ли Марина наркотики, Василиса ответила уклончиво, мол, такого не замечала, но не удивилась, если бы узнала. Вот, пожалуй, и все.

– Ну что же, весьма содержательно, но выводы пока делать рано, всю добытую информацию необходимо будет отработать. Этим ты, Андрей, послезавтра и займешься, на завтра у нас другие заботы. А раз так, то собрание нашего «тайного общества» объявляю закрытым.

Дроздов остался доволен результатами, теперь их успешно сформированной инициативной группе есть с чем работать. Проводив Андрея, он закурил и попросил Катю сделать чаю. Оставшись вдвоем, они обсудили ситуацию с Петровским и отправились спать. Впереди предстоял эмоционально тяжелый день, необходимо было отдохнуть и набраться сил, но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Так и в эту ночь полноценного сна не вышло. Посреди ночи Екатерина разбудила Сергея, она находилась в возбужденном состоянии.

– Что с тобой, милая?

– Сереж, я вспомнила кое-что важное, и мне от этого как-то не по себе.

– Так, давай успокоимся, и ты мне все расскажешь.

– Только можно сначала кофе, все равно я уже не смогу уснуть.

– Конечно.

Сидя за чашкой кофе, Катя начала успокаиваться, то ли от самого напитка, то ли от крепких объятий Сергея. Окончательно оттаяв, она начала свой рассказ.

– Помнишь вчерашний разговор о Петровском? Мне все не давало покоя странное ощущение, что мы что-то упускаем, и теперь я знаю что. Несколько лет назад, когда я еще была студенткой дядя, крепко подвыпив, а это бывало редко – ты знаешь, поведал мне про личность этого «важняка».

Тогда Петровский не занимал такого высокого поста, как сейчас, но нервы дяде Леше трепал изрядно. В тот раз он был сильно не в духе, даже кидался посудой, хорошо я была рядом и успокаивала его. Очередной раз, запустив тарелкой, он резко изменился в лице, как-то сразу посерьезнел и заявил мне, чтобы я держалась от Михаила Степановича как можно дальше, и вообще, я зря пошла в «уголовку». Затем добавил, что знакомство с этим «оборотнем в погонах» – основная причина, почему он сделал все, чтобы никто не узнал о нашем родстве.

Кроме того, есть одна тайна, из-за которой Петровский был ему обязан, видимо та самая, о которой незадолго до смерти Алексей Николаевич сказал тебе. И тайна эта состоит в том, что, будучи сослуживцами в молодости они были не разлей вода. А потом один случай развел их в разные стороны.

Однажды Петровский сбил на машине беременную женщину и попросил своего товарища помочь замять это дело. Свидетелей не было, а женщина эта оказалась одинокой, без родных и близких. Алексей Николаевич пошел на это только из-за семьи, денег в то время не хватало, мне помогал. Повесили все на одного «барыгу». Петровский же умолчал, что сбитая особа была беременна, видать, связь с Швыдко в то время уже имелась. А когда дядя узнал правду, Петровский уже дослужился до определенных высот и совсем увяз в «подковёрных» играх. Понимаешь, Сереж, что это за человек. А теперь мне страшно, может, бросим дело «бомбейцев», пока не случилось беды.

– Никак нет. Теперь точно никак, дело чести. Вот как мы поступим. Про тебя никто не знает и это хорошо, и с завтрашнего дня ты ничего не делаешь. Твоя основная задача быть на виду у нашего коллектива, вся внешняя работа за мной и Климовым. В остальном – сценарий следующий: ты подаешь мне кофе и, по возможности, убажашь меня. Вопросы?

– Никак нет.

– Вот и чудненько, а теперь бегом в постель, будем снимать стресс.

Остаток ночи для этих двоих превратился в чарующее полотно, наполненное красками любви, на котором чувственными мазками в различных формах разлилась гамма откровенных ощущений, от страсти до экстаза. И в этом круговороте своих воплощенных желаний они все не могли насытиться друг другом.

13 сентября, четверг

Похоронная церемония прошла без происшествий, всякие волнения на этот счет оказались напрасны. Прощальное слово Петровский произносить не стал, лишь молча поднял пару стопок. Сергей же пребывал в подавленном состоянии, большего фарса он давно не видел. Правду говорят, что чужое горе никому не интересно, но чтобы настолько. В его хмельном от душевной боли сознании роились различного рода неприятные мысли.

Взирая на пришедших проститься, он отказывался принять, что люди разучились сочувствовать, сопереживать, сострадать чужой потере. Это насколько же сильно прогнул окружающий мир, что даже в такую трагическую для одних минуту, другие вместо поддержки и теплых слов могут говорить только о работе? В определенный момент, Сергей попросил слова, оставить забытой память об Алексее Николаевиче он не мог.

– Товарищи, вы знаете, я достаточно закрытый человек и далеко не сторонник траурных речей. Я всегда полагал, что горе молчаливо, но сегодня иной случай. Я хотел бы рассказать вам о дружбе и проводить в последний путь близкого и дорогого мне человека. Единственного человека, из знакомых мне, который был способен на самопожертвование, ничего не требуя взамен. Задумайтесь: каждый ли человек, которого вы называете другом, способен на подобное? Алексей Николаевич был именно таким, личные интересы для него всегда были второстепенны. И я не хочу говорить о нем в прошедшем времени, поскольку память о нем останется жить в моем сердце.

Сергей Андреевич закончил говорить и тяжело опустился на стул. Повисла пауза, длившаяся дольше обычного. По затуманенным взглядам было заметно, что на миг его слова достигли желаемого эффекта и были восприняты со стыдливо-тоскливым чувством вины. У каждого из них было по камню за душой, а у некоторых и не по одному. Но спустя пару минут все вернулось на свои места и закружилось в общем ритме безразличия к происходящему. Не сдерживая своих эмоций, он влил в себя очередную порцию «горькой воды», а затем направился к балкону покурить.

Уже на месте к нему присоединился молодой человек в штатском, они закурили. В процессе незнакомец представился Олегом Вячеславовичем Крупновым и попросил выслушать.

– Сергей Андреевич, у меня есть для Вас очень важная информация, касающаяся смерти Алексея Николаевича.

– Да что тут обсуждать?

– Еще как есть, думаю, Вам будет интересно. Я с недавнего времени работаю патологоанатомом в подчинении Швыдко, и вскрытие Алексея Николаевича проводил именно я. Мне стало известно, что Максим Игнатьевич в своем заключении кое-что утаил. Морозов умер не от острой сердечной недостаточности.

Эти слова моментально отрезвили Дроздова. Он было взял за грудки этого малого, но вовремя сдержался, лишь скрипнул зубами и зло усталился в даль.

– Продолжай и можно на «ты».

– Хорошо. Сергей, послушай, там не все так просто. Я понимаю, как это звучит, но Алексея Николаевича убили. На его правой стопе был след от иглы, а лабораторный анализ показал наличие отравляющего вещества в крови. Швыдко об этом умолчал и, зная его, я сразу подумал, что здесь налицо какой-то умысел. Но рассказать не решился, потому как я человек осторожный и привык на многое закрывать глаза. Но сегодня я просто не смог промолчать. Вы действительно были так близки с Морозовым?

– Действительно. Кто еще знает?

– Я же говорю, что привык просто наблюдать по жизни, не вмешиваясь. До сегодняшнего дня.

– Значит так, Олег. Я все понимаю, и ты все правильно сделал, но скажи мне свое мнение о Швыдко.

– Гнида он, что еще сказать. Но мне нужна работа, а экспертиза – это мое.

– Послушай, Олег. Парень ты, судя по всему, неплохой, раз мне открылся. И за это я тебе признателен. Но пойми одну вещь: в твоём возрасте все ошибаются, а потом наступает момент истины и приходится делать непростой выбор, какой дорогой идти. Сейчас у тебя настает именно такое время. Есть только два пути, решать тебе, какой дорогой идти по жизни. Каждая из них по-своему терниста, но в конце либо признание, либо расплата. К чему я это все? Придет время, Швыдко я раздавлю, это я тебе гарантирую, поэтому от того на какой стороне будешь ты, зависит твоя дальнейшая жизнь. Так что, подумай.

Олегу не пришлось долго размышлять, он был согласен на что угодно, лишь бы Швыдко исчез из его жизни. На этом и порешили, встреча закончилась на том, что он будет держать Сергея в курсе возможных событий. У того же, в свою очередь, появился свой человек в логове врага. Дроздов достаточно хорошо разбирался в людях, а потому легко проникся к этому парнишке. И даже после того, как Олег дал ему свой номер телефона, осведомителем его называть что-то мешало.

Катя без особого интереса восприняла новость о новобранце, а вот известие о насильственной кончине дяди опечалила ее больше, чем сами похороны. Но все события близящегося к завершению, и без того эмоционально напряженного дня, для нее померкли, в сравнении с тем состоянием, в котором пребывал Сергей. Он настолько сильно напомнил ей ушедшего Алексея Николаевича, когда разбил пару стопок, что ей пришлось успокаивать его, как умеет только женщина.

Она все сделала сама, правда в этот раз ее не покидала мысль о том, правильно ли она поступает. Ее дядю только что похоронили, а она в постели с мужчиной, и пусть она его желала всей душой, но подобное ей приходилось видеть только в кино.

Как ни странно, подобные мысли уже посещали и самого Сергея, но он быстро с ними справился, эротические забавы помогали успокоить душевную боль, горе и чувство вины.

В конце концов, они уже были двумя влюбленными людьми, а потому всячески старались помочь справиться с общей потерей, и, несмотря на то, как быстро завязались их отношения, они уже боялись потерять друг друга.

14 сентября, пятница

Климов с раннего утра начал отработку загадочной личности Данилова. Единственная имеющаяся зацепка – работа в «Телефонисте» добавила рутины, таких офисов по всему городу оказалось порядка трехсот. На обзвон всех в одиночку ушел бы не один день, поэтому пришлось подтягивать Катю.

Дроздов, помимо руководящей работы, занялся поиском всех официально зарегистрированных на территории Москвы и Московской области различного рода религиозных и эзотерических обществ и образований. Сама затея была глупой, но чем черт не шутит. В совпадения он не верил, порой их попадалось столько, что он склонен был выстраивать из них закономерности.

На своем жизненном опыте и, благодаря определенным навыкам, он не раз убеждался в том, что для того, чтобы выстроить причинно-следственную цепочку, необходимо обладать еще и достаточно развитой интуицией.

Следуя этому принципу, Сергей не раз совершал невозможное. За свою карьеру он раскрыл немало запутанных дел, из-за чего слыл среди своих коллег человеком, для которого не существует никаких загадок. Закономерное повышение по службенисколько не радовало его натуру, поэтому он так уцепился за «бомбейское» дело и не хотел его упускать.

Кроме того, желание раскрыть его в память об Алексее Николаевиче, стало для него навязчивой идеей, избавиться от которой он был уже не в состоянии. Одержимый стремлением, во что бы то ни стало, попутно утерев нос Петровскому, по возможности, покарать за все содеянное эту сволочь, Сергей уже практически не сомневался, что нить от убийства Морозова приведет именно к нему. Однако, он прекрасно понимал, что преследуя свои сугубо личные мотивы, может пойти по ложному следу, а потому решил в первую очередь растормошить это осиное гнездо во главе с генерал-майором, продолжая расследовать «бомбейское» дело.

Количество зарегистрированных религиозных организаций по последним данным насчитывалось добрых семь сотен, двести двадцать семь из которых можно смело исключить по причине их отношения к православию. Повинуясь внутреннему голосу, Сергей исключил еще двести шестьдесят три, оставалось примерно двести. Торопиться было некуда, с ними необходимо будет хорошенько поработать.

По внутреннему телефону Сергей поинтересовался как успехи у Андрея и попросил зайти Катю, но услышав ответ, он не поверил своим ушам. Когда он повесил трубку, события завернулись в бешеном ритме. Через минуту в его кабинет ворвался взволнованный Климов, сбивчиво пытающийся объяснить, что он ничего не мог поделать.

– Мы с Екатериной обзванивали все салоны «Телефониста» по списку, пока не вышло совпадения. Затем она сказала, что сама поедет по адресу, поскольку ей надоело протирать юбку. Просила ничего не говорить Вам, пригрозив сказать, что я к ней пристаю. Она мне правда нравится, но я ни разу не...

Ударом по столу разгневанный Сергей договорить не дал.

– Идиоты, блядь. Сказал же быть на месте! Куда она поехала?

– Не знаю. Она что-то написала на бумаге и уехала.

– Салон какой выскочил?

– Возле Киевского вокзала.

– Поедешь со мной на моей машине, поведу сам. Номер телефона офиса возьми, по дороге узнаешь, где ее искать.

В дороге Дроздов устроил головомойку Андрею, доходчиво объяснив, что они с Катей живут вместе, и в следующий раз любой ценой никуда ее не пускать, а все шаги строго согласовывать с ним. А у самого в голове кружились мысли о том, какой же он дурак. Надо было

сразу рассказать Климову, а он расслабился, полностью отдался во власть чувствам. Раскис, и вот результат, так что винить кого-то кроме себя самого нет смысла.

По телефону удалось выяснить, что в «Телефонисте» возле Киевского вокзала на самом деле работает Данилов Вениамин Степанович, семьдесят девятого года рождения. По информации администратора салона, Вениамин весьма неприятный молодой человек с питерской пропиской, невыносимо гнетущим взглядом, довольно вспыльчив, если не сказать агрессивен. Нареканий к работе нет, большие объемы продаж делает с завидной регулярностью. Сегодня у него выходной, проживает в паре кварталов от салона. Следовательно, Катя отправилась к нему домой.

Этой информации Дроздову было достаточно, чтобы начать волноваться, появилось нехорошее предчувствие. Когда они добрались до места, Катя уже лежала на лестничной площадке, захлебываясь пенящейся от пробитого легкого кровью.

Подъехав к дому, в котором проживал Данилов, Екатерина направилась к квартире, попутно прокручивая в голове предстоящий неприятный разговор с Сергеем. Несмотря на это, она была довольна собой. Ей надоело, что с ней обращаются, как с маленькой девочкой и не позволяют выполнять свою непосредственную работу. Она все-таки служит в полиции и, когда делала этот выбор, знала, что это влечет за собой, поэтому не позволит окружающим так с собой обращаться.

Конечно, ей нравилось, что Сергей окружил ее заботой и старался всячески оградить от любой опасности, но, при этом, она боялась, что однажды подобная опека может начать ее душить, как порой бывало, когда ее дядя еще был жив. Стало быть, надо не допустить повторения этого уже с любимым ею человеком, с которым они возможно заведут семью, ни к чему все эти скандалы и прочее.

Оказавшись во власти странного импульса доказать, что она не так слаба, как кажется, и вполне в состоянии за себя постоять, Екатерина совершила, пожалуй, самый необдуманный поступок в своей жизни. Поняла это она в тот самый момент, когда постучала в дверь, а за ней оказался человек с хищным взглядом и звериным оскалом убийцы.

Приветствие оказалось простым, нож вошел в ее левое легкое, когда она еще вглядывалась в эти нечеловеческие глаза. Боли она не почувствовала, зато сразу стало как-то тепло и пришло ощущение невесомости. Затем ее закружило в каком-то невероятном танце, все вокруг запестрило яркими оттенками, правда, красного оказалось больше.

Когда она упала на пол, на миг пришло понимание происходящего. Испытав шок, Катя смогла добраться до лестничной площадки, а через минуту из воздуха возник силуэт ее любимого. Он держал ее в крепких объятиях и что-то бормотал, а, значит, все будет хорошо.

Как известно, в экстренных ситуациях мозг работает на пределе своих сил и в состоянии генерировать нужные мысли практически мгновенно. Данилова на месте не оказалось, времени исследовать все закоулки его жилища, не было. Быстро оценив состояние Кати, Сергей отметил, что оно приближается к критической точке.

Визуально потеря крови была достаточно большой, промедление могло стоить ей жизни. Поэтому первым делом он отдал Андрею команду зажать рану и приподнять голову. А сам принялся звонить Леночке, другого выхода не было, поскольку вторжение «следаков» из Восточного административного округа Москвы не на свою территорию ничего хорошего за собой не влекло.

К бывшему врачу скорой помощи, а ныне бизнес-леди Мишиной Елене Викторовне он старался обращаться как можно реже. Одно время они состояли в отношениях и расстались по его инициативе, но Леночка до сих пор питала надежды на возобновление старой истории. В данный момент звонок ей был лучшим решением, необходимо было спасти Катю и постараться

сохранить инкогнито. Возможности Мишиной отвечали всем условиям, а что она потребует взамен Сергея сейчас волновало меньше всего.

Через полчаса Катей уже занимались лучшие специалисты одной из частных клиник, принадлежащих Елене Викторовне. В дороге она несколько раз теряла сознание, но Сергей был рядом. Климова он отправил в салон связи, где работал Данилов, разузнать про него как можно больше. Теперь была важна любая мелочь, которая может вывести на след этого упыря, чуть не лишившего Сергея его возлюбленной. Вечером он ждал Андрея с докладом, а в данный момент он был нужен Кате.

Операция прошла успешно. Катю перевели в реанимацию, ее состояние оставалось стабильно тяжелым. Однако, в профессионализме хирургов «мишинской» клиники Сергей не сомневался, сам не раз был объектом их чудес. Выслушав заверения, что теперь ей нужен покой и время на восстановление, он со всей любовью поцеловал ее и направился дожидаться Андрея в квартире Морозова. Здесь он больше был не нужен.

День близился к закату, оставалось надеяться, что на сегодня приключения закончились. Ощувив неожиданную потребность этим вечером в обязательном порядке выпить коньяка, пришло осознание, что безумная неделя окончена.

Андрей пришёл, когда первой бутылки уже не стало, Сергей только начинал приходить в себя от всех произошедших за последние дни событий. Дроздов предложил присоединиться, тот упорствовать не стал, и тогда он понял, что круг замкнулся.

– Скажи мне, Андрей, вот ведь как интересно устроена жизнь: кого-то теряем, кого-то находим. А ты молодец сегодня, не растерялся. Спасибо тебе, мне одному было бы сложнее справиться.

– Что же теперь будет, Сергей Андреевич?

– Не ссы, Андрюха, прорвемся. Главное, делай, как я скажу, а потом сам научишься, задатки у тебя есть. А раз уж мы с тобой теперь в некотором смысле кровники, можно обойтись без лишней фамильярности.

Дроздову эта ситуация напомнила что-то давно забытое, но он был уже достаточно пьян, чтобы вспомнить. На самом деле, похожая ситуация несколько лет назад в этой самой квартире уже происходила, только на месте Климова был он сам.

Жизнь часто играет человеческими судьбами, но одно всегда остаётся неизменным – её сущность. В своем вечном круговороте мы обречены совершать одни и те же ошибки и так без конца. Важно лишь одно – хватит ли тебе сил противостоять всем преградам на своем пути, или же её жернова перемелют тебя до остатка.

– Мне будет непросто, но я постараюсь. Как Катя?

– Думал, не спросишь, струхнешь. Сделали операцию, сейчас в реанимации. Все будет хорошо. А у тебя какие новости?

– Та самая квартира принадлежит сестре Данилова, она сейчас в Турции по работе, так что на её помощь рассчитывать не приходится. Но есть один интересный момент. Администратор офиса – некто Изабелла Львовна Маркина, та самая, которая расписывала этого урода во всех красках, раньше с ним спала. С её слов, отношение к нему изменилось, когда она узнала, чем он занимается. Очень похоже на показания Василисы, но с одной лишь разницей, что Изабелла знает название секты, в которой состоит Данилов – «Культ дракона судного дня».

– Ах вот оно что.

– Видимо, адрес московского филиала нет смысла называть?

– Правильно понимаешь, боец. А что, может, рванем к ним прямо сейчас с визитом, растормошим этих тварей? Что-то мне подсказывает, что и эта паскуда там.

– Вдвоём?

– Нам сейчас все по плечу, но ты можешь отказаться.

– Да нет, я ещё кровь не успел отмыть. За Екатерину Анатольевну я готов.

– Для тебя, брат, она теперь, как сестра.

Логово змеиного клубка располагалось за МКАДом и, если не брать в расчет количество выпитого, сейчас действительно было самое оптимальное время отправиться в путь. Часы показывали глубоко за полночь.

15 сентября, суббота

Машину они оставили в роще неподалёку. Одинокое стоящее здание, снаружи напоминало скорее складское помещение. Но, как часто бывает, внешний вид оказался обманчив. Вырубив охранника, два, одержимых мстью человека, стали незаметно пробираться по коридорам, пока не добрались до лестницы, ведущей куда-то вглубь.

Спускаясь все ниже, нереальность происходящего начинала пугать. Меняющийся интерьер обращал на себя самое пристальное внимание, на стенах красовалось множество древних надписей и рисунков, а также различные предметы искусства, носящие откровенно оккультный характер. В том, что это – именно то место, сомнений не возникало.

Погружение длилось около пяти минут и больше напоминало спуск в шахту метро. Когда дно было достигнуто, взору спутников открылось колоссальных размеров пространство с уходящими вдаль дверьми по обе стороны, а в конце виделись массивные резные ворота.

Учитывая, что большинство из помещений были заперты, а те, в которые удавалось заглянуть, вели в комнаты отдыха, проверять каждое не имело смысла. За центральной дверью, как и следовало ожидать, располагался просторный актовый зал с кафедрой и внушительной фигурой дракона до самого потолка.

Внутри никого не оказалось. Складывалось впечатление, что все старания пошли насмарку, и визит никаких результатов не даст. Однако, по пути назад, за одной из дверей Сергей услышал какую-то возню.

Подергав ручку, дверь оказалась заперта, пришлось её выносить. Посреди комнаты на кровати лежала обнажённая женщина, привязанная по конечностям и с кляпом во рту. Ей оказалась пропавшая Жданова Марина Васильевна, выходит, догадка Андрея верна – неопознанной жертвой была Белозерова Ольга Петровна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.